

Александр Грин

Всадник без головы

Александр Грин
Всадник без головы

«Public Domain»

1913

Грин А. С.

Всадник без головы / А. С. Грин — «Public Domain», 1913

«Все знают великого полководца Ганса Пихгольца. Я узнал о нем лишь на одиннадцатом году. Его подвиги вскружили мне голову. Ганс Пихголец воевал тридцать лет со всеми государствами от Апеннин до страшного, каторжного Урала и всех победил. И за это ему поставили на площади Трубадуров памятник из настоящего каррарского мрамора[с небольшими прожилками. Великий, не превзойденный никем Ганс сидит верхом на коне, держа в одной руке меч, в другой – копье, а за спиной у него висит мушкетон. Мальборук – мальчишка перед Гансом Пихгольцем...»](#n_1)

Содержание

I. Немножко истории	5
II. Любовь	6
III. Беседа	7
IV. Венец несчастья	9

Александр Грин

Всадник без головы

I. Немножко истории

Все знают великого полководца Ганса Пихгольца. Я узнал о нем лишь на одиннадцатом году. Его подвиги вскружили мне голову. Ганс Пихголец воевал тридцать лет со всеми государствами от Апеннин до страшного, каторжного Урала и всех победил. И за это ему поставили на площади Трубадуров памятник из настоящего каррарского мрамора¹ с небольшими прожилками. Великий, не превзойденный никем Ганс сидит верхом на коне, держа в одной руке меч, в другой – копьё, а за спиной у него висит мушкетон. Мальборук – мальчишка перед Гансом Пихгольцем.

Таково было общее мнение. Таково было и мое мнение, когда я, двенадцати лет от роду, выстругал деревянный меч и отправился на городской выгон покорять дерзкий чертополох. Ослы страшно ревели, так как это их любимое кушанье. Я выкосил чертополох от каменоломни до старого крепостного вала и очень устал.

На тринадцатом году меня, Валентина Муттеркинда, отдали в цех поваров. Я делал сосиски и шнабель-клепс² и колбасу с горошком, и все это было очень вкусно, но скучно. Я делал также соус из лимонов с капорцами³ и соус из растертых налимьих печенок. Наконец, я изобрел свой собственный соус «Муттеркинд», и все очень гордились в цехе, называя меня будущим Гуттенбергом,⁴ а фатер дал гульден и старую трубку.

А Ганс Пихголец, стоя на площади, посмеивался и величался.

Я ненавидел его, завидовал ему, и он не давал мне спать. Я хотел сам быть таким же великим полководцем, но к этому не было никакого уважительного повода. Фатерланд дремал под колпаком домашнего очага, пуская вместо военных кличей клубы табачного дыма. Все надежды свои я возлагал на римского папу, но папа в то время был вялый и неспособный и под подушкой держал Лютера.⁵ Тайно я написал ему донос о ереси на юге Ломбардии, угрожая пасторами, с целью вызвать религиозную драку, но тихий папа к тому времени помер, а новый оказался самым скверным католиком и, смею думать, был очень испуган, прочтя письмо, так как ничего не ответил.

Содрогаясь о славе, я в один прекрасный день швырнул в угол нож, которым резал гусей, и отправился к начальнику стражи. Проходя мимо полицейской патрульной Ганса Пихгольца, я, подняв высоко голову, сказал:

– Тридцать лет, говоришь, воевал? Я буду воевать сто тридцать лет и три года.

¹ Каррарский мрамор – сорт белого мрамора, названного по местности в Италии, где его добывают.

² Шнабель-клепс – блюдо из рубленого мяса, биточки.

³ Капорцы (каперсы) – колючий полукустарник на Кавказе и в Средней Азии, маринованные почки которого употребляются как пряная приправа.

⁴ Гуттенберг, Иоганн (род. между 1394–1399, ум. в 1468) – изобретатель европейского книгопечатания.

⁵ Лютер, Мартин (1483–1546) – глава Реформации в Германии XVI века, основатель немецкого протестантизма (лютеранства).

II. Любовь

Меня приняли, дали мне лошадь, латы, каску, набедренники, палаш и ботфорты. Мы дежурили от шести до двенадцати, объезжая город и наказывая мошенников. Когда я ехал, звенело все: набедренники, латы, палаш и каска, а шпоры жужжали, как майский жук. У меня огрубел голос, выросли усы, и я очень гордился своей службой, думая, что теперь не отличить меня от Пихгольца: он на коне – и я на коне; он в ботфортах – и я в ботфортах. Проезжая мимо Пихгольца, я лениво крутил усы.

Природа позвала меня к своему делу, и я влюбился. Поэтическая дочь трактирщика жила за городскими воротами, ее звали Амалия, ей было семнадцать лет. Воздушная фигурка ее была вполне женственна, а я рядом с ней казался могучим дубом. У нее были очень строгие, нравственные родители, поэтому мы воровали свои невинные поцелуи в ближайших рощах. Разврат к тому времени достиг в городе неслыханных пределов, но Амалия ни разу еще не села на колени ни к кому из гостей своего трактира, хотя ее усердно щипали: бургомистр, герр Франц-фон-Кухен, герр Карл-фон-Шванциг, Эзельсон и наши солдаты. Это была малютка, весьма чистоплотная и невинная.

В воскресенье я назначил свидание дорогой Амалии около Цукервальда, большой рощи. Было десять часов, все спали, и ни один огонь не светился на улицах города Тусенбурга.

Отличаясь всегда красивой посадкой, я представлял чудную картину при свете полной луны, сияющей над городской ратушей. Черные в белом свете тени толпились на мостовой, когда я подъехал к воротам и приказал отпереть их именем городской стражи. Но лунный свет, как и пиво, действовали на меня отменно хорошо и полезно, и я был пьян во всех смыслах; от пива, луны и любви, так как выпил на пивопое изрядно. Подбоченясь, проехал я в Роттердамские ворота и пустился по пустынной дороге.

Приближаясь к назначенному месту свидания, я ощутил сильное сердцебиение; лев любви сидел в моем сердце и царапал его когтями от нетерпения. У разветвления дороги я задержал лошадь и крикнул: «Амалия!» Роща безмолвствовала. Я повернул коня по ветру и снова крикнул: «Амалия, ягодка!» Эхо подхватило мои слова и грустно умолкло. Я подождал ровно столько, сколько нужно, для того чтобы шалунья, если она здесь, кончила свои шутки, и нежно воззвал: «Амалия!»

В ответ мне захохотал филин глухим, как в трубку пущенным, хохотом и полетел, шараясь среди ветвей, к темным трущобам. До сих пор уверен я, что это был дьявол, враг бога и человека.

Я натянул удила, конь заржал, поднялся на дыбы и, фыркая от тяжелой моей руки, осел на задние ноги. – «Нет, ты не обманула, Амалия, чистая голубка, – прошептал я в порыве грустного умиления, – но родители подкараулили тебя у дверей и молча схватили за руки. Ты вернулась, обливаясь слезами, – продолжал я, – но мы завтра увидимся».

Успокоив, таким образом, взволнованную свою кровь и отстранив требования природы, я, Валентин Муттеркинд, собирался уже вернуться в казарму, как вдруг слабый, еле заметный свет в глубине рощи приковал мое внимание к необъяснимости своего появления.

III. Беседа

Знаменитый полководец Пихголец сказал однажды, в пылу битвы: «Терпение, терпение и терпение». Ненавидя его, но соглашаясь с гениальным умом, я слез, обмотал копыта лошади мягкой травой и двинулся, ведя ее в поводу, на озаренный уголок мрака. Насколько от меня зависело, – сучья и кустарники не трещали. Так я продвинулся вперед сажен на пятьдесят, пока не был остановлен поистине курьезнейшим зрелищем. Аккуратный в силу рождения, я расскажу по порядку.

Прямо на земле, в шагах десяти от меня, горели, зажженные на все свечи, два серебряных канделябра, очень хорошей, тонкой и художественной работы. Перед ними, куря огромную трубку, сидел старик в шляпе с пером, желтом камзоле и сапогах из красной кожи. Сзади его и по сторонам лежало множество различных вещей; тут были рапиры с золотыми насечками, мандолины, арфы, кубки, серебряные кувшины, ковры, скатанные в трубку, атласные и бархатные подушки, большие, неизвестно набитые чем узлы и множество дорогих костюмов, сваленных в кучу. Старик имел вид почтенный и грустный; он тяжело вздыхал, осматривался по сторонам и кашлял. – «Черт побери запоздавшую телегу, – хрипло пробормотал он, – этот балбес испортит мне больше крови, чем ее есть в этих старых жилах», – и он хлопнул себя по шее.

Пылая жаром нестерпимого любопытства, я вскочил на захрапевшую лошадь и, подскрыв к старику, вскричал: «Почтенный отец, что заставляет ваши седины ночевать под открытым небом?» Человек этот, однако, на мой добродушный вопрос принял меня, вероятно, за вора или разбойника, так как неожиданно схватил пистолет, позеленел и согнулся. «Не бойтесь, – горько рассмеявшись, сказал я, – я призван богом и начальством защищать мирных людей». Он, прищурившись, долго смотрел на меня и опустил пистолет. Мое открытое, честное и мужественное лицо рассеяло его опасения.

– Да это Муттеркинд, сын Муттеркинда? – вскричал он, поднимая один канделябр для лучшего рассмотрения.

– Откуда вы меня знаете? – спросил я, удивленный, но и польщенный.

– Все знают, – загадочно произнес старик. – Не спрашивай, молодой человек, о том, что тебе самому хорошо известно. Величие души трудно спрятать, все знают о твоих великих мечтах и грандиозных замыслах.

Я покраснел и, хотя продолжал удивляться проницательности этого человека, однако втайне был с ним согласен.

– Вот, – сказал он, показывая на разбросанные кругом вещи, и зарыдал. Не зная, чем помочь его горю, я смиренно сидел в седле. Скоро перестав плакать, и даже быстрее, чем это возможно при судорожных рыданиях, старик продолжал: – Вот что произошло со мной, Адольфом-фон-Готлибмухеном. Я жил в загородном доме Карлуши Клейнферминфеля, что в полуверсте отсюда. Клейнферминфель и я поспорили о Гансе Пихгольце. «Великий полководец Пихголец», – сказал Карлуша и ударил кулаком по столу. – «Дряннейшенький полководишка», – скромно возразил я, но не ударил кулаком по столу, а тихо смеялся, и смех мой дошел до сердца Клейнферминфеля. – «Как, – вне себя вскричал он, – вы смеете?! Пихголец очень великий полководец», – и он снова ударил кулаком по столу так, что я рассердился. – «Наидрянне-дрянные-дрянные-дрянные-дрянейшенький полководчишка», – закричал я и ударил кулаком по Клейнферминфелю. Мы покатались на пол. Тогда я встал, выплюнул два зуба и пошел в город, где остался до ночи, чтобы насолить Клейнферминфелю. Ты давно из города, юноша?

– Едва ли будет полтора часа, – поспешно ответил я, желая выслушать конец дела, поведение в коем Готлибмухена было весьма справедливо.

– Я час тому назад, – сказал Готлибмухен, смотря на меня во все глаза, – сорвал голову Пихгольцу.

– Так, так-так-так-так-так-так-так!

– Да. На площади никого не было. Я взлез на каменного коня, сел верхом сзади Ганса Пихгольца и отбил ему голову тремя ударами молотка и бросил эту жалкую добычу в мусорный ящик.

Не удержавшись, я радостно захохотал, представляя себе зазнавшегося Ганса без головы...

– Голубчик, – сказал я. – Голубчик!..

– А?

– Он ведь, Ганс...

– Угу.

– Не совсем...

– А?

– Не совсем... великий... и...

– Он просто ничтожество, – сказал Готлибмухен. – Так ведь и есть. Стой, – думал я, – запоешь ты, Клейнферминфель, когда узнаешь, что Гансу отбили голову. Я вернулся и увидел, что вещи мои выброшены во двор; этот негодяй, почитатель Ганса Пихгольца...

– Как! – вскричал я, хватаясь за эфес. – Он смел...

– Ты видишь. Я взял телегу и, навалив, как попало, все свое имущество, приехал сюда, под кров неба, делить горькую участь бродяг. Но ты не беспокойся, храбрый и добрый юноша, – прибавил он, заметив, что я очень взволнован, – я переночую на этих подушках, завернувшись в ковры, а перед сном почитаю библию. Добрый крестьянин приедет за мной утром и отвезет меня в город.

– Нет, – возразил я, – я отправлюсь за телегой и перевезу вас сейчас.

– Хорошо, – сказал он, подумав, – но с условием, что ты возьмешь от меня пять золотых монет.

Он вынул их так охотно, что я не стал спорить, хотя и очень удивился его щедрости. Отныне Пихголец бессилен был давить меня своей славой – у него не было головы. Я рвался в город, чтобы взглянуть, гордо поднять свою голову.

– Жду тебя, сын мой, – кротко сказал старик и прибавил: – седины старости и кудри юности – надежда отечества.

Стиснув в порыве гордости зубы, я взвился соколом и понесся галопом в город.

IV. Венец несчастья

Я объехал четыре раза статую Ганса Пихгольца. Голова у него тут как тут. Возможно, что это лишь призрак несуществующей головы. Я слез с коня, влез на Пихгольца, облизал и обнюхал голову. Твердая, каменная голова. Ничего нельзя возразить. Я вспотел. Мне показалось, что Ганс повернул голову и захохотал каменным смехом. Если я поеду уличать во лжи Готлибмухена, он скажет, что я дурак, а я, вот именно, не дурак. Я решил оставить его в лесу с его канделябрами и коврами. Испуганный, усталый и злой, не удовлетворив к тому же требований природы, я вернулся в казармы и лег спать. Всю ночь скакал надо мной Ганс Пихголец, держа в руках оскалившую зубы голову.

Утром позвал нас начальник стражи и громко топал ногами и велел скорее собираться в загородный дом Клейнферминфеля и сказал, что его ограбили. Он прибавил еще, что в Клейнферминфеле глубоко сидят четыре пули и что, если их вытащить, ничего от этого не изменится.

Я был женой Лота⁶ (Готлибмухен! Молчу!). Вечером, когда я пошел удовлетворять требования природы и сговориться насчет свидания, я увидел небесную голубку Амалию на коленях у герр фон-Кухена, и она обнимала его и герр фон-Шванцига, а Шванциг щипал ее.

– Ах-х!

⁶ Я был женой Лота – то есть застыл, оцепенел: по библейской легенде жена Лота нарушила запрет бога и обернулась, покидая Содом, за что была превращена в соляной столб.